

«А ЧТО ЕСТЬ “ВОСТОК”? ПРАВИЛЬНЕЕ ГОВОРИТЬ: “ВОСТОКИ”»

ИНТЕРВЬЮ С А. В. МАЛАШЕНКО: ОБ УЧИТЕЛЯХ И СТУДЕНЧЕСТВЕ,
«ЕСТЕСТВЕННОМ ОТБОРЕ» В НАУКЕ И АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

“AND WHAT IS ‘THE EAST’?
LET US BETTER SAY: ‘THE EASTS’”.

INTERVIEW WITH ALEXEY V. MALASHENKO: ON TEACHERS, STUDENT LIFE,
“NATURAL SELECTION” IN ACADEMIC RESEARCH, AND ARABIC LITERATURE

© 2021 **Василий Александрович Кузнецов**

кандидат исторических наук, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия; vasiakuznets@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

Vasily A. Kuznetsov

PhD (History), Associate Professor of Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; vasiakuznets@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3646-4037

© 2021 **Алексей Всеволодович Малашенко**

доктор исторических наук, профессор, руководитель научных исследований института «Диалог цивилизаций», Москва, Россия; Malashenko51@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

Alexey V. Malashenko

DSc (History), Professor, Chief Researcher at The Dialogue of Civilizations Research Institute; Malashenko51@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-8862-304X

Алексей Всеволодович Малашенко — один из наиболее известных современных российских арабистов и исламоведов, автор многочисленных трудов на русском, английском, французском и арабском языках по политическому исламу, политическим процессам на Ближнем Востоке и на постсоветском пространстве. Среди них: «Официальная идеология современного Алжира» (М.: Наука, 1983); «Исламское возрождение в современной России» (М.: Московский Центр Карнеги, 1998); «Мой ислам» (М.: РОССПЭН, 2010) и др.

Начав свой путь в науке с Института востоковедения РАН, на протяжении многих лет Алексей Всеволодович являлся членом научного совета и председателем программы «Религия, общество и безопасность» Московского центра Карнеги, а сегодня руководит научными исследованиями института «Диалог цивилизаций». В связи с юбилеем ученого представитель другого поколения арабистов, заведующий Центром арабских и исламских исследований ИВ РАН Василий Александрович Кузнецов решил поговорить с Алексеем Всеволодовичем о его учителях, коллегах и учениках, об арабистике и исламоведении, о том, как изменилось российское востоковедение за последние несколько десятилетий.

Ключевые слова: А. В. Малашенко, востоковедение, Центральная Азия, арабистика, Институт востоковедения РАН, исламоведение, арабская литература

Для цитирования: Кузнецов В. А. «А что есть “Восток”? Правильнее говорить: “Востоки”». Интервью с А. В. Малашенко: об учителях и студенчестве, «естественном отборе» в науке и арабской литературе. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 1–2. С. 36–45. DOI: 10.18254/S268684310015784-0

Alexey Malashenko is one of the most famous modern Russian Arabists and Islamic scholars. He is the author of numerous Russian, English, French, and Arabic works on political Islam, political processes in the Middle East, and the post-Soviet space. Among them: “The official ideology of modern Algeria” (Moscow: Nauka, 1983); “Islamic Renaissance in Contemporary Russia” (Moscow: Carnegie Moscow Center, 1998); “My Islam” (Moscow: ROSSPEN, 2010) and others.

His career in academic research started at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. For many years he was a member of the scientific council and chairman of the “Religion, Society and Security” program of the *Carnegie Moscow Center*. Today he leads scientific research at *The Dialogue of Civilizations Research Institute*. In connection with the anniversary of the scientist, a representative of another generation of Arabists, head of the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies RAS Vasily Kuznetsov, decided to talk with Aleksey Malashenko about his teachers, colleagues, and students, about Arab and Islamic studies, about the development of Russian oriental studies over the past few decades.

Keywords: Alexey V. Malashenko, Oriental studies, Central Asia, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Islamic studies, Arabic literature

For citation: Vasily A. Kuznetsov. “And What is ‘The East’? Let us Better Say: ‘The Easts’”. Interview with Alexey V. Malashenko: On Teachers, Student Life, “Natural Selection” in Academic Research, and Arabic Literature. *Vostochnyi Kurier / Oriental Courier*. 2021. No. 1–2. Pp. 36–45. DOI: 10.18254/S268684310015784-0

— В. К.: Вы помните, как впервые пришли в ИСАА, тогдашний Институт восточных языков?

— А. М.: Помню, но это не стоит печатать. Это было в 1968 году. Я отрастил волосы длиной 55 см, и когда на торжественном собрании

нам вручали студбилеты, декан Преображенский тихо сказал: «Наконец-то он постригся».

— В. К.: *У меня была похожая история. У меня были волосы до середины спины, и однажды меня вызвала Мария Федоровна Видясова и велела немедленно постричься, потому что я похож на божжа.*

— А. М.: Преемственность поколений. Маша — очень хороший ученый. Она много писала, у нее отличная трилогия по Тунису.

— В. К.: *Хорошо. Значит, длинноволосый советский подросток приходит в Институт восточных языков, и дальше? В ИВЯ, известный как институт, откуда люди идут работать в структуры и ведомства. Как же такой «длинноволосый неформал» пришел туда учиться?*

— А. М.: Я в детстве мечтал быть сторожем в зоопарке. Это не шутка. Но в 1956 году папа купил мне карту мира. Я тогда все время часами слушал радио, и оттуда узнал про Израиль, про Ближний Восток.

— В. К.: *«Голоса» слушали?*

— А. М.: Какие «голоса»? Обычное радио, тогда даже «Маяка» не было. Еще, рассматривая карту, я узнал, где находится НАТО. До сих пор по памяти шестилетнего ребенка могу нарисовать карту мира со всеми колониями. Потом почитал Насера, вообще уважал арабов.. Искренне переживал, когда в 1967 г. их побили. Израиль не любил. Видел разницу между израильтянами и евреями. Евреи-то вот они, в гостях, с бутылкой, а вот те, которые там..

Лет в пятнадцать понял, что хочу поехать на Арабский восток. Посмотреть, «подышать», даже чуть-чуть «повоевать». Читал **Примакова, Павла Демченко** (кто теперь помнит его брошюру «Арабский восток в час испытаний?»). Был какой-то азарт. Азарт остался навсегда — когда уже ездил по Кавказу, Центральной Азии... Но первым был азарт арабский. Первое арабское слово написал у меня в блокноте друг отца. Слово было «иттихад».

— В. К.: *Вежливых, «разумных» вопросов не ждите, поэтому вопрос в лоб. Удовлетворены*

ли вы палестинским делом, тем, как оно развивалось и как вы его наблюдаете на протяжении стольких лет?

— А. М.: А что такое палестинское дело? Создать государство, «сбросить в море» Израиль? Я иногда думаю, кому нужно это палестинское государство... Палестинцам, да и то не всем. Большая их часть живет в других странах, где они неплохо устроились. Вот Израилю нормальное государство нужно — без экстремизма, терроризма, государство, с которым можно общаться, сотрудничать. Живут же в Израиле арабы, и ничего.

Конечно, евреи пришли и поселились на палестинской земле. Но ведь они здесь и раньше жили. В каком-то смысле, они вернулись на родину. Кстати, они эту землю хорошо освоили. Достаточно прокатиться хотя бы от Тель-Авива до Иерусалима. Да, они хотят расширить свою «еврейскую территорию» — Западный берег. Но главное — они хотят жить спокойно.

С другой стороны, поставьте себя на место палестинцев. Не арабов, но именно палестинцев. Зачем им евреи? Это их палестинская земля.

Когда все в сороковые годы начиналось, **то был арабо-израильский конфликт, постепенно превратившийся в палестино-израильский.** Если раньше этот конфликт казался неизбежным, чуть ли не вечным, то сейчас ситуация иная. К тому же, отношение арабов к палестинцам весьма непростое. Их многие арабы не любят.

Конфликт стал решаемым. Существование Израиля для арабского мира выглядит нормальным. Большинство арабов к Израилю привыкли. Против — радикалы-исламисты (и экстремисты), но их позиция раздражает остальных. И еще: тамошних палестинских радикалов поддерживает шиитский Иран, а уж как его «любят» арабы-сунниты, мы знаем. Так что, думаю, нормальному палестинскому государству быть. Пусть и не завтра.

— В. К.: *Алексей Всеволодович, посмотрите: редко встретишь арабиста, ближневосточника, занимающегося современной проблематикой, который был бы оптимистом и смотрел*

бы на ситуацию в регионе с неким историческим оптимизмом.

— А. М.: Как советский человек, я всегда верил, что сионизм — плохо, да и Израиль — тоже плохо. То были исключительно происки Запада. Но вот что интересно: благодаря нашим учителям (им было очень тяжело, но они все равно давали какую-то объективную оценку) со временем я несколько иначе стал воспринимать происходящее в регионе. Объективнее, умнее что ли.

— В. К.: *Я хотел поговорить как раз про учителей. Могли бы вы описать советскую арабистику, что она собой представляла?*

— А. М.: Она была замечательной. Наши учителя не были политизированы. Я до сих пор им благодарен за то, как нас учили арабистике, до сих пор ссылаюсь на работы «стариков». Я их читаю и почитаю. Не было у них идеологической ограниченности. Они были высочайшими профессионалами. И уже потому рисковали. Роберт Григорьевич Ланда нам читал про Палестину. Не все было просто, но он говорил по-честному. Чем дальше живу, тем больше это ценю.

— В. К.: *А любовь к Магрибу — это от Ланды?*

— А. М.: Любовь к Магрибу? Это немного случайно. Когда надо было в армии служить, мне был назначен Ирак. Но я дико хотел куда-нибудь в Магриб, потому что там французский язык. Он для меня почти родной — кончал спецшколу № 2, до сих пор немного говорю по-французски. Хотелось и арабского, и французского. Уговорил я отзывчивого полковника из ГУК (Главного управления кадров МО СССР), чтобы меня послали в Алжир. И полюбил эту страну, освоил алжирский диалект. Даже выучил слов пятьдесят по-берберски. Вот тут книги Ланды про Алжир для меня стали «библией».

— В. К.: *Кстати, моя жена (она Алжиром занимается) просила задать вам вопрос. Как вы могли перестать заниматься Алжиром?*

— А. М.: Во-первых, привет жене. Во-вторых, я до сих пор слежу за Алжиром. Не знаю, попаду ли туда еще раз. Лет 15 тому назад в Анкаре я встретался с главой антитеррористического

комитета Алжира. Веселый мужик, полковник. Я все уговаривал его — давай устроим что-нибудь в Алжире. Он пообещал, но, увы. Моя же жена до сих всхлипывает, когда вспоминает алжирский город Батна, где мы жили. Такое захолустье, но поди ж ты! У меня глава в мемуарах (они должны скоро выйти) называется «Гарнизонная жизнь в Алжире». Я там работал военным переводчиком.

— В. К.: *А это была первая арабская страна, в которой вы оказались?*

— А. М.: Вторая. Сначала был Египет. Там я чуть-чуть «насобачился» в диалекте, скорее в акценте. Когда я приехал в Алжир и заговорил в лавке мне сказали: «Вали в свой Египет».

— В. К.: *А вы помните первое ощущение, когда приезжаешь в арабскую страну и все оказывается не так, как ты учил?*

— А. М.: Кошмар. Именно так оно и было. Учил-учил арабский, приехал в Египет и не понял даже надпись на продовольственном магазине. Понимал отдельные слова. Все. Ощущение чудовищной беспомощности. Выходишь на улицу, и не понимаешь, чего они там говорят на своем чертовом диалекте. Первое время повеситься хотелось. И это после трех с половиной курсов — я на четвертом тогда был. Я в Египте переводил в военной авиации, работали с самолетами «Сухой». Языка толком не знаешь, в технике не разбираешься. Везло, одним словом.

— В. К.: *У меня то же. Первым был Тунис, и тоже совершенный шок в первый день. Поселили в общежитии, все уехали, а оно в каком-то рабочем квартале (сейчас он уже не рабочий, а тогда он был такой, там иностранцев не было). И совершеннейший ужас: мальчик из хорошей московской семьи, первый раз оказался надолго вдали от дома один... Какие-то подростки, которые смотрели на меня с подозрением, хотели общаться, а мне казалось, что они явно хотят от меня чего-то нехорошего...*

— А. М.: Но несмотря ни на что, тяга к арабскому языку, к арабскому миру с каждым днем становилась все больше. Как научился ругаться местным матом, стал чувствовать себя не-

много своим. В Алжире тоже было тяжело, но все-таки был хоть какой-то опыт. В Ливии, где я тоже немного пожил, стало еще полегче.

— В. К.: *А вот если вернуться к студенческим годам, к Институту восточных языков того времени. Ланда, Габучан, кого бы еще вспомнить из учителей?*

— А. М.: Да всех мы помним. Наши учителя были личностями. А еще хранителями корпоративного духа. У нас был такой случай. На втором курсе мой товарищ Сережа Жилкин сдавал арабский язык. Мы все тряслись. Ждем в коридоре. Выходит Грация Габучан, подходит к Жилкину и говорит: «Ну что, Жилкин, боишься Грачью Микаэловича?». «Боюсь, боюсь!». «Ну, пойдем выпьем». Повел его в «Националь», по хорошей рюмке коньяку выпили, и Сережа пошел сдавать доценту Габучану. Корпоративность арабистов, когда все всегда готовы помочь друг другу, может выглядеть и так.

— В. К.: *Согласен. Кто-то говорит, что это плохо, кто-то говорит — хорошо. Но мне кажется, это ведь не во всех областях, даже не во всем востоковедении существует.*

— А. М.: У китайстов нет, у японистов проблематично, про индологов не знаю. Иранисты — их очень мало осталось. Я не знаю. У нас «ты где учился? Ах, тебя Габучан учил? Ну давай подумаем, посмотрим, как в чем помочь».

— В. К.: *А исламоведение? Вы потом перешли от арабистики, постепенно дрейфовали в сторону исламоведения, и эти два столпа, они и через всю вашу научную деятельность проходят, и через карьеру. Существовало ли советское исламоведение?*

— А. М.: Да. Но тогда это была в основном критика ислама. Иногда об исламе писалось, как о чем-то этнографическом. Было два ислама. Один «просто ислам» как религия стариков и отсталых женщин. Другой — зарубежный ислам, который использовала в своих интересах мелкая и средняя буржуазия и прочие темные силы.

Когда выходила моя первая книжка по Алжиру, я назвал ее «Ислам в Алжире». Меня поправили: «Какой ислам? Они там строят социализм». В итоге получилась «Официальная идеология современного Алжира» (изд. 1978 г.), но все равно две трети в ней было про ислам.

Конечно, существовали выдающиеся работы, труды по исламскому реформаторству: М. Т. Степанянц, Л. Р. Полонская, книга «Ислам в Юго-Восточной Азии» Аллы Ионовой, «Пуритане ислама» Алексея Васильева, что-то про ваххабитов... Но высококачественных работ было мало.

После исламской революции в Иране к исламу стали относиться «внимательнее». За ним стали признаваться кое-какие позитивные моменты. Когда эта революция произошла, все были в шоке, думали, это «случайность». Вот незабвенный Георгий Ильич Мирский (он, кстати, был оппонентом моей диссертации по Алжиру) сразу почувствовал, что это всерьез и надолго. Серьезно отнеслась к иранской истории начальница нашего сектора Людмила Рафаиловна Полонская. Когда директором Института стал Примаков, она пришла к Примакову и предложила организовать вертикальную группу «Ислам». Евгений Максимович согласился и произнес сакраментальное «ислама на наш век хватит».

— В. К.: *И оказался прав.*

— А. М.: Абсолютно прав. Новый этап отечественного исламоведения начался именно тогда, и инициировал его ИВ АН.

— В. К.: *Итак, Институт востоковедения при Примакове... Кто-то говорит, что Примаков — человек, создавший современный ИВ, резко его модернизировавший. Какое впечатление тогда производил ИВ, как он выделялся на фоне советского научного ландшафта?*

— А. М.: Выделялся в позитивную сторону. Он был менее идеологизирован, чем остальные. Не помню, в каком году, кажется, еще Анастас Микоян сказал, что «Восток проснулся», а ИВ АН спит¹. ИВ АН проснулся, но... то было время

1 Точная цитата выглядит так: «... есть в системе Академии наук институт, занимающийся вопросами Востока, но про него можно сказать, что если весь Восток в наше время пробудился, то этот институт дремлет и по сей день». См. *Институт востоковедения РАН. Прошлое и настоящее. К 200-летию основания*. М.: ИВ РАН, 2018. С. 68. — Прим. ред.

советской идеологии, в рамках которой приходилось работать. Заниматься современностью было возможно, только не вылезая за порог марксизма-ленинизма. Как говорила Полонская, «сначала “Отче наш”, то есть цитата из Ленина и Брежнев, а потом пишем “по делу”».

С приходом Примакова у многих появилась надежда, что появятся новые темы, например, исламская, и можно будет писать чуть посвободнее. Появился, однако, страх, что при «современщике» Примакове уйдет на периферию классическое востоковедение, которым институт был традиционно силен. Слава богу, этого не произошло.

— В. К.: *Мы дошли до 1980-х годов. Перестройка. Как происходившее в стране отразилось на востоковедении, на профессии, на арабистике, на том, как мы смотрели на Ближний Восток? Меня этот вопрос давно волнует. Мы просто получили возможность сказать то, о чем давно думали, но раньше не говорили, или наши взгляды и оценки действительно радикально поменялись?*

— А. М.: Понимаешь, какая вещь. Любые взгляды должны меняться. Пушкин говорил, взгляды не меняются только у дураков. Наши взгляды менялись по ряду причин. Во-первых, мы стали свидетелями самых неожиданных событий, во-вторых, стали получать намного больше информации, знаний, в-третьих, открылась граница. В-четвертых, мы, — можешь с этим не соглашаться, — как-то невзначай поуменьши. И наконец, появилась возможность говорить то, что думаешь, на научных форумах, а не только на кухне. Мы менялись, и взгляды наши менялись.

Пропадали ограничения, запреты. Думай! Пиши! Причем о том, о чем раньше и думать-то не могли. Я тогда участвовал в разных мероприятиях, в конференциях исламских организаций, в том числе, — тогда еще советской Исламской партии, например. Это было время интеллектуального роста, честности, но и какой-то растерянности. Наверно, многим было удобнее жить, как раньше.

— В. К.: *А резкое падение социального статуса ученых... Насколько болезненно оно воспринималось?*

— А. М.: Очень болезненно. Помнишь, у Сталина «жить стало лучше, жить стало веселее». Так вот ученые стали жить «веселее», но хуже. Вот ты кандидат наук, или даже доктор — красиво. А тебе вдруг говорят: «Ну и что, что ты доктор наук? Ну пишешь что-то про свою Индию, каких-то фараонов, про этот свой Восток. Кому нужны твои фараоны, кто тебя читает, пишешь для кого? Для себя любимого, для таких же как ты сам. Кому ты нужен? А сколько тебе платят за эту ерунду?».

У ученого, не у каждого, но у многих появляется ощущение ненужности, комплекс неполноценности. Помножаем на нищенские зарплаты. А они и сейчас... Не было нормальной зарплаты! Попробуйте подумать о науке, когда надо думать о котлете. Это же не блокадный Ленинград.

Вот и получается: научно и духовно ты свободен, но надо выживать. Ведь заниматься только страной Бубустан маловато. Не в цене оказались теоретические изыски. Что делать? Наверное, смотреть, что происходит вокруг, на том же Востоке. Писать о том, что стало интересно не только тебе. Предлагают написать что-то для тебя новое — пиши, пробуй! А не говори, что, дескать, «я всегда Бубустаном занимался, а Дагестаном никогда. Да и лень, знаете ли». Были такие? Были. Но были и те, кто был готов и рисковал работать на новом «научном поле». И они выживали. Скажешь, конъюнктура? А почему конъюнктура — плохо? Ведь она опирается на потребности. Да и всегда нескудно заняться чем-то новым.

Если хочешь, в науке шел естественный отбор. А это болезненно.

— В. К.: *Потом естественный отбор прекратился?*

— А. М.: Такой отбор был и есть — всюду и всегда. Просто он стал жестким, даже жестоким. К сожалению, часто отбор связан еще с тем, что можно назвать научным (аналитическим) угодничеством. Сегодня востребованы хвалебные комментарии правильной политики. Это напоминает советскую систему. Так?

— В. К.: *Наверное, были и другие, более прагматичные мотивы, но вами и вашими колле-*

гами-арабистами в первую очередь двигал научный интерес и азарт, когда вы приходили в Центральную Азию, верно?

—А. М.: В СССР, между прочим, не было и не могло быть специалистов по Центральной (б. Средней) Азии, было партийное обществоведение. Писали про историю до 1917 г., про басмачей, потом про успехи в советское время. Но обнаружилось, что Центральная Азия еще и Восток, причем не только Советский². Выяснилось, что формируются новые государства. Ими же кто-то должен заниматься. Это ведь интересно, да и нужно.

Ты просидел на своем Ближнем Востоке, знаешь арабский язык, естественно, хочется посмотреть — что происходит рядом? Скажем, иранисты занимаются Таджикистаном, тюркологи занимаются Узбекистаном, Киргизией... **Как только ты коснулся Центральной Азии, ты к ней «прилипаешь».** Тем более, есть возможность туда ездить, встречаться с коллегами, друзьями. Это не конъюнктура, это «живая наука». Меня иногда обвиняют в журналистской манере письма. А разве это так плохо? Полонская учила: **«не пиши заумно, пиши, чтобы было понятно и интересно».**

Когда на Ближнем Востоке происходят какие-то процессы — та же политизация ислама, то же ИГ³, это отражается на Центральной Азии. Все же рядом. Я бы сказал, что ты умнееешь по части Ближнего Востока, когда работаешь с Центральной Азией, и наоборот. Конечно, регионы разные, страны разные: Казахстан не Сирия, но

все же... Помню: 1992 или 1993 год, ребята в Ташкенте, в Алма-Ате говорили: «Мы не Египет, у нас такого, как там, быть не может». Я это на всю жизнь запомнил. А потом выясняется: и там мусульмане, и здесь ислам. Да, вы такие, постсоветские, а они такие, пост-английские и пост-французские, но кругом авторитаризм и многовекторность. Тренды-то схожие! Арабский опыт, если его не абсолютизировать, весьма полезен для изучения того, что творится в Средней Азии, да и на Кавказе. Заниматься Центральной Азией, имея за спиной «зарубежный Восток» — удобно и выгодно.

— В. К.: *Вы стали заниматься Центральной Азией уже не в ИВ РАН? Это уже постинститутский период?*

— А. М.: И в нем тоже. А в 1996 г. меня пригласили в Московский центр Карнеги, где был востребован анализ процессов на постсоветском пространстве (тогда существовавшем).

— В. К.: *Надо было объяснять и доказывать, что Центральная Азия и Северный Кавказ — это тоже Восток?*

— А. М.: Хороший вопрос! А что есть Восток? **Правильнее говорить: «Востоки».** Запад — это Запад. Там есть Швеция, есть Италия, даже Америка есть, но это все же некий «общий Запад». А вот есть Китай и есть Марокко. Это разные «Востоки». Когда я бываю в Европе — все понятно, когда бываю на Востоке, возникает вопрос: простите, на каком, где... Можно относиться к Востоку как к не-Западу. Почему бы и нет? Но это от ориентализма: дескать, мы Запад,

2 Вынуждена не вполне согласиться здесь с уважаемым коллегой. В Институте востоковедения в рамках Отдела истории Востока под руководством Н. И. Иванова и позже Д. Д. Васильева работала группа «Изучение цивилизаций Центральной Азии», располагавшаяся в 251 кабинете здания ИВ АН на Рождественке, 12. Группу возглавлял доктор исторических наук иранист Лев Иванович Мирошников (1924–2006), член Совета Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА), в 1974–1992 гг. — зам. председателя по изучению культур Центральной Азии Отделения истории АН СССР и МИД СССР, сами должности которого демонстрируют существование в советское время организованного изучения Центральной Азии в ее «несоветском» и не только среднеазиатском понимании. Вместе с кандидатом исторических наук индологом и художником Святославом Игоревичем Потабенко (1923–2011) Л. И. Мирошников выпускал выходивший под эгидой ЮНЕСКО двуязычный журнал «Информационный бюллетень МАИКЦА». Истории и культуре Центральной Азии был также посвящен ряд Уйгуроведческих конгрессов и великое множество монографий и сборников статей (прим. Глав. Ред.).

3 Организация запрещена на территории Российской Федерации.

и они все остальное. Я уж не говорю, что есть еще и «Юг», расположенный, получается, «на Востоке».

— В. К.: *Это совершенно точно. Вот вы уходите из института, начинаете работать в Центром Карнеги, а вскоре и вовсе переходите туда работать. Когда вы столкнулись с американским востоковедением, оно сильно отличалось от нашего?*

— А. М.: Те американские востоковеды, с которыми я общался, — это свои ребята. Это профессионалы, у меня с ними никогда не было проблем. А между собой они, конечно, цапались, прямо, как у нас. Мы дискутировали, но не занимались политикой. У меня есть близкая знакомая Марта Олкотт (Martha Brill Olcott; род. 1949), мировой специалист по Центральной Азии. Мы с ней называем друг друга «брат и сестра». Я ее знаю больше 30 лет. Так вот, она свою Америку «крыла» так, что даже я защищал ее Соединенные Штаты. Покойный муж Марты — Тони переводил Чингиза Айтматова. Да и водку пил очень по-русски. Наш человек.

Попутно скажу, что американцы готовили аналитиков по региону, дипломатов. В середине 1990-х я пару раз читал лекции в учебном центре при Госдепе перед теми, кто готовился на работу в американских посольствах в регионе. Практически все знали язык «своей» страны, разбирались в местной ситуации, задавали умные вопросы. Это были не случайные люди.

В плане понимания Центральной Азии американцы нас опережали. У нас было другое — прежде всего личные отношения, прямая информация... В России к местным относились как к своим, бывшим советским, причем, чуть свысока. Все они учились в МГУ, все были членами КПСС, никакой дипломатии. Тем более, обе стороны говорили на одном языке.

Теперь вот в Центральной Азии местная молодежь, входящая в «среднее звено» местной политики (а кое-кто уже добрался и до высшего эшелона), английским владеет не хуже русского, а порой общается с московскими гостями через переводчика. В России прозевали момент фор-

мирования национального государства. Для нас Центральная Азия долго была, да и по сей день кое в чем остается бывшей Средней Азией. Это было бывшее наше. Для американцев же — чужое, иное, то, что они изучали, в чем пытались разобраться.

Первые наши посольства там... Что, были специалисты, по Узбекистану, Казахстану?... Слишком долго жили постсоветизмом, и только где-то к 2000 году начали понимать, что это действительно нечто иное. Вот из-за этого ощущения постсоветизма мы очень много проиграли.

— В. К.: *А если все же вернуться в арабский мир... У меня было ощущение какого-то застоя в арабском мире в последнее десятилетие перед Арабской весной. У вас оно тоже было?*

— А. М.: Знаешь, нет. Было ощущение, что вот-вот что-то произойдет. Слишком долго сидят у власти «старика», слишком мало перемен и слишком много политического ислама, исламизма. В наших же публикациях преобладали два вопроса: первый — «Продолжим ли мы дружить с арабами?». Второй — «А нужны ли они нам, или иначе — нужны ли мы им такие?». Хотя публиковались интересные материалы о тамошней обстановке, много стали писать про ислам.

Потом та самая «весна», которую не предсказали. Это не теоретическая статья, и мы говорим в каком-то смысле об эмоциональном восприятии событий, что тоже очень важно. Так вот, парадокс: **Ближний Восток теперь иной, прежние тенденции остались.** Ты ведь сам об этом классно написал. Все новое, и все... прежнее. Как новое приспособляется к старому. Это не демагогия. За этим стоит желание понять не только то, что есть, но и что будет.

Политикам России очень хочется жить в послевоенном «ялтинском мире». Официальная идеология живет памятью о славном прошлом. Жить будущим надо научиться, хоть это и страшно. Похоже, что восприятие Ближнего Востока в незначительной степени входит в этот контекст.

— В. К.: *А вот есть ли в арабистике нехватка кадров, профессионалов?*

— А. М.: Ты меня в угол загоняешь, Василий. Арабисты, мои ровесники, начинали переводчиками. Кстати, переводчикам по советским меркам хорошо платили, хотя и в разы меньше, чем их иностранным коллегам. У тех, кто уходил в науку, был какой-то финансовый бэкграунд. Тот, кто хотел, приходил в науку, в арабистику, имея практический опыт, зная язык. Сегодня людей, у которых сочетается практика и стремление к науке, маловато. Надо таких людей беречь. Кремль кичится, что у России есть национальные интересы на Ближнем Востоке, так береги ценные кадры, а не только частные военные компании! Арабистам надо платить не меньше, чем платят на проклятом Западе (шутка).

— В. К.: *А вы дружите с теми, с кем учились?*

— А. М.: В моей группе из девяти студентов в живых остались только четверо, есть умершие и в параллельной группе. Кто-то разбежался, кто-то разъехался. Видимся редко, но, когда встречаемся, радуемся очень. Арабисты не ограничены возрастом, тем, кто с кем учился. Когда дружба с арабским миром стала сокращаться, многие из нашего круга остались не у дел и без денег. Знаю случаи преждевременных смертей и даже самоубийств. И можно понять: захотел — купил «Волгу», квартиру. А теперь...

— В. К.: *Не могу не спросить про учеников.*

— А. М.: У меня есть ученики, но не хочу называть их фамилии. Есть четверо, которых я учил, тратил время, так сказать. Они очень толковые ребята и хорошие исследователи. Впрочем, бывают и всякие забавные случаи с учениками. Как-то раз в одном аэропорту таможенник подошел и сказал: «А ведь я у вас учился, вы мой учитель». Так что **учеников у меня много: в науке и на таможне.**

Когда читал лекции — в МГИМО, в ИСАА, в «Вышке», даже в МФТИ — всегда готовился, старался, чтобы было интересно. В МФТИ вместо кафедры истории КПСС предложили ребятам самые разные курсы, я рассказывал про ислам. И, если правильно помню, это казался самый большой курс: приходили, слушали и здорово сдавали экзамены. Представляешь, Мо-

сковский физико-технический институт, а про жизнь пророка Мухаммад на экзамене студент отвечает не хуже востоковеда.

— В. К.: *Вернемся к арабистике. Сохранение комплексности, как вам кажется, — это важно? Сейчас много разговоров, что ближневосточные исследования и востоковедение в целом должны стать регионалистикой. Надо ли сохранять историко-культурную комплексность?*

— А. М.: Странно от тебя слышать такой вопрос. У меня за спиной стоят книжки: по арабской культуре, по традиции, истории арабского мира. Я не имею морального права писать, рассуждать, не храня все это в профессии, в мозгу. Что было в десятом, в одиннадцатом, в двенадцатом веке, что тогда писалось, о чем думалось, — надо знать. Без этого ты не имеешь права рассуждать о современности.

— В. К.: *Вы любите арабскую литературу?*

— А. М.: На той неделе перечитывал Нагиба Махфуза, Махмуда Теймура, «Синие фонари».

— В. К.: *Кстати, сейчас студенты ИСАА этого лишены. Когда я учился, там была изумительная библиотека на втором этаже. И практически каждую неделю, когда шел домой, я заходил в библиотеку и брал арабскую литературу, которую читал в троллейбусе и перечитал немало. После ремонта большую часть фондов оттуда вывезли. А вы современную арабскую литературу читаете больше, чем средневековую?*

— А. М.: Средневековую я читаю для работы. Мне это нужно, потому что иначе будет... легкомысленно. Когда пишу что-то про современность и обращаюсь к традиции, я всегда проверяю ее конкретность, где в этой традиции, кто и когда что писал. **Больше всего люблю аль-Газали.** Он как-то ближе и понятнее.

— В. К.: *Конечно. А кого вы читали из саудовских писателей сейчас?*

— А. М.: Вот на полке стоит книга «Современные саудовские писатели», правда, на русском языке. Они все в итоге писали про ислам, кос-

венно или прямо. Например, проблемы семьи: вот жених такой современный, но вот отец его невесты совсем наоборот и т. д. Вдруг задумываешься, а что за человек нынешний наследный саудовский принц Мухаммад. Он такой современный — наверное, так же думает и чувствует, как писатель, как герои его книг.

Бываю в Оше. Там турки устроили свой исламский институт и при нем библиотеку. Пошел туда, а там все книги по исламской тематике не разрезаны, кроме книг великого исламиста Сайида Кутба, у которого многие абзацы подчеркнуты, а на одной страничке даже нарисован меч. Когда-то книги Кутба я привозил из Египта, Алжира, Ливии. Слава Аллаху, на таможене арабского не знали, да и время было другое.

— В. К.: *А когда вы учились, Коран читали?*

— А. М.: Давно. Еще на первом курсе. Я его совсем не понимал, но по ночам его переписывал. И не потому что я верный мусульманин, а потому, что таким образом расслаблялся. Отец заходил и говорил: «ты что, обалдел?». А я сидел ночью и каллиграфически переписывал. ... Был такой знаменитый Владимир Леви. Самая его известная книжка «Я и мы». Там написано, что люди, которые заикаются и левши (а я и заикаюсь немного и наполовину левша — левой ногой играл в футбол) предрасположены к тому, чтобы писать справа налево. Вот и люблю писать по-арабски, когда пишу — отдыхаю. Все очень просто. И, конечно, не все арабы левши. Но и я не араб. Но куда денешься от арабистики?

Так или иначе, но **Коран у меня — настольная книга.**

